

DOI: [10.14515/monitoring.2022.6.2274](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2274)

В. Т. Сакаев

ВОСПРИЯТИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИНОГОРОДНИМИ И ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ ИЗ ЧИСЛА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Правильная ссылка на статью:

Сакаев В. Т. Восприятие межнациональных отношений иногородними и иностранными студентами московских вузов из числа представителей тюркских народов в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 243—264. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2274>.

For citation:

Sakaev V. T. (2022) Perception of Interethnic Relations by Nonresident and Foreign Students — Representatives of Turkic Peoples in Moscow Universities during the Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 243–264. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2274>. (In Russ.)

Получено: 02.07.2022. Принято к публикации: 14.11.2022.

ВОСПРИЯТИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИНОГОРОДНИМИ И ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ ИЗ ЧИСЛА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

САКАЕВ Василь Тимерьянович — кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vasil.sakaev@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9921-3799>

Аннотация. Работа посвящена восприятию межнациональных отношений в условиях вызовов пандемии COVID-19 иногородними и иностранными студентами вузов Москвы из числа представителей тюркских народов. Исследование проводилось методом глубинного интервью осенью 2021 г. Проинтервьюированы 85 респондентов в возрасте от 18 до 33 лет — граждане РФ, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана и Турции, находившиеся в Москве в период пандемии (2020—2021 гг.).

Полученные результаты позволяют утверждать, что иногородние и иностранные студенты московских вузов из числа представителей тюркских народов во время пандемии столкнулись с вызовами, которые могли быть обусловлены их этнической принадлежностью. Эти вызовы привели к формированию двух противоположных тенденций в восприятии межнациональных отношений: (1) проявление ксенофобии, обоюдное укрепление социальных и межнациональных барьеров, (2) усиление позитивного восприятия межнациональных отношений

PERCEPTION OF INTERETHNIC RELATIONS BY NONRESIDENT AND FOREIGN STUDENTS — REPRESENTATIVES OF TURKIC PEOPLES IN MOSCOW UNIVERSITIES DURING THE PANDEMIC

Vasil T. SAKAEV¹ — Cand. Sci. (Hist.), Research Fellow, Institute for Applied Political Studies

E-MAIL: vasil.sakaev@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9921-3799>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The paper concerns the perception of interethnic relations in the face of the challenges of the COVID-19 pandemic by non-resident and foreign students — representatives of the Turkic peoples studying in Moscow universities. Empirically, the study bases on the materials of a series of in-depth interviews conducted in the fall of 2021 with 85 respondents aged 18 to 33 years. The sample included citizens of the Russian Federation, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, and Turkey, who resided in Moscow during the pandemic (2020–2021).

The results obtained allow the author to state that, during the pandemic, nonresident and foreign students at Moscow universities faced specific challenges that could be due to their ethnicity. These challenges led to the formation of two opposite trends in the perception of interethnic relations: (1) the manifestation of xenophobia, the mutual strengthening of social and interethnic barriers, (2) the strengthening of a positive perception of interethnic relations in the metropolis. In the course of the study, the author at-

в мегаполисе. В ходе исследования была предпринята попытка найти объяснения указанным тенденциям, а также получены новые данные о восприятии этнической идентичности разными группами респондентов и сформулированы предположения о возможных факторах, определявших его.

Ключевые слова: образовательная миграция, Москва, пандемия, студенты, межнациональные отношения, идентичность, тюркские народы

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность за помощь при сборе данных сотрудникам и студентам НИУ ВШЭ М. С. Максименковой, Ю. Ю. Беловой, Р. Р. Шайдуллину, А. О. Петрович, Н. В. Варга, А. М. Абилдиной, Е. М. Соковниной, Н. М. Мельниковой.

Введение

Существуют многочисленные исследования о негативном воздействии пандемии COVID-19 на мировое сообщество в целом и систему высшего образования в частности. В то же время важной задачей остается понимание характера и масштаба этого воздействия на социальные институты. Например, студенты, обучавшиеся в этот период, испытывали серьезный физический, психологический и эмоциональный дискомфорт, что отражалось на межличностных отношениях и, безусловно, на межэтническом взаимодействии. Особенно остро эта проблема затронула иногородних и иностранных студентов, обладающих отличающейся от большей части социума этнической или религиозной идентичностью.

Основные потоки внешней и значимые — внутренней миграции в современной России (включая образовательную) формируют представители тюркских народов. Они обладают идентичностью, отличающей их от большинства россиян. Это может выражаться в восприятии социальных границ, в маркерах идентичности и паттернах поведения. В допандемический период, согласно имеющимся данным, эти различия формировали определенные барьеры во взаимном восприятии и социальном взаимодействии мигрантов (как внутренних, так и международных) и коренного населения. Так, И. М. Кузнецов отмечал, что «трудовым мигрантам свойственна тенденция дистанцироваться от принимающего сообщества, рассматривать его исключительно как экономический ресурс и, следовательно,

tempted to find explanations for these trends and presented new data on the perception of ethnic identity by different groups of respondents assuming possible factors that determined it.

Keywords: educational migration, Moscow, pandemic, students, interethnic relations, perception, identity, Turkic peoples

Acknowledgments. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). Author is grateful to the staff and students of HSE University M. Maksimenkova, Yu. Belova, R. Shaidullin, A. Petrevich, N. Varga, A. Abildina, E. Sokovnina, N. Mel'nikova.

вполне осознанно пренебрегать освоением основных социокультурных реалий этого общества»¹. Одновременно в сознании москвичей, по данным опросов, обнаруживаются этнические стереотипы, свидетельствующие о барьерах в восприятии мигрантов («лицо кавказской национальности», «среднеазиаты» и т. д.). Так, в 2016 г. только 13,3% москвичей приветствовали прибытие в столицу людей другой национальности².

Образовательная миграция — важный миграционный поток для Москвы. Структура образовательной миграции, согласно данным Министерства науки и высшего образования РФ, в целом отражает этническую структуру международной миграции (в частности, трудовой). Студенчество, в котором значимую долю составляют представители тюркских народов, является важным источником пополнения постоянного населения столицы, так как многие студенты после окончания учебы остаются в ней. Поэтому представляется важным определить, как изменилось восприятие проблем межэтнического взаимодействия иногородними и иностранными студентами московских вузов из числа представителей тюркских народов в условиях пандемии.

Выходцы из азиатских государств составляют существенную часть иногородних и иностранных студентов российских вузов. Так, в 2019/2020 учебном году в российских вузах обучалось 315 тыс. иностранных студентов, «первую тройку» составляли граждане Казахстана, КНР и Узбекистана, а в «десятку» входили также Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан и Азербайджан³. В московских вузах в предпандемийный период обучалось более 60 тыс. иностранных студентов, и значительная часть из них была из данных государств [Гусейн-заде, Деревянченко, 2021]. Известно, что граждане азиатских стран часто обладают так называемой «азиатской внешностью», визуально выделяющей их в московском социуме и вызывающей, тем самым, повышенный и, нередко, не очень дружелюбный интерес [Новые этнические группы..., 2009]. В большинстве своем представители тюркских народов исповедуют религии (как ислам, так и другие), отличные от православия, которому традиционно принадлежат доминирующие позиции в московском социуме. Студенты из числа представителей тюркских народов могут иметь культурно-языковые потребности (общение на родном языке, сохранение культурных традиций, отправление религиозных ритуалов), удовлетворение которых в условиях мегаполиса способно вызывать определенные сложности. Наконец, само происхождение вируса, впервые обнаруженного в КНР, провоцировало появление новых барьеров в отношении представителей азиатских народов, в том числе тюркского происхождения, когда многие обыватели могли принимать их за граждан КНР, что увеличивало социальную дистанцию⁴.

¹ Кузнецов И. М. Лица «кавказской национальности» в многонациональной Москве. Часть первая // Полит.ру. 2006. 23 ноября. URL: <https://polit.ru/article/2006/11/23/anklav> (дата обращения: 06.11.2022).

² Информационно-аналитический отчет о результатах социологического исследования «Мнение москвичей о миграционной ситуации в столице и актуальных проблемах миграционных процессов». М., 2016. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/files/3643/migration\(1\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/files/3643/migration(1).pdf) (дата обращения: 06.11.2022).

³ Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году // Study in Russia. 2021. 25 февраля. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/> (дата обращения: 06.11.2022).

⁴ Отдел миграционных исследований. Краткие аналитические обзоры COVID-19 // IOM. URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/documents/covid-19_analytical_snapshots_compiled_russian_translation.pdf (дата обращения: 06.11.2022).

Можно предположить, что вызовы пандемии нашли свое отражение в восприятии указанными группами проблем межнациональных отношений в экстремальных условиях. Это представляет исследовательский интерес, так как позволяет по-новому взглянуть на протекавшие в изучаемый период процессы и в обществе в целом, и в системе высшего образования в частности. Так как значительная часть выпускников московских вузов вливается в число постоянных жителей мегаполиса, можно говорить, что их представления вносят вклад в развитие межнациональных отношений в городе, а значит, важно понимать, какое влияние пандемия оказала на них, насколько масштабным и продолжительным оно было.

В литературе уже имеются исследования вопросов трудовой миграции и положения мигрантов в условиях пандемии [Денисенко, Мукомель, 2020; Флоринская, 2020], трансформации миграционной политики [Малахов, Мотин, 2020], последствий пандемии для миграционных процессов [Полетаев, 2020; Ардашев, 2020; Барышева, Антипанова, Бинь, 2020]. Эти работы помогают понять специфику вызовов, с которыми столкнулись иностранные граждане в 2020—2021 гг., а также позволяют увидеть общее и отличное в миграционной ситуации и миграционной политике в России и в странах исхода мигрантов.

Немало статей посвящено региональным аспектам состояния общества в условиях пандемии, в том числе вопросам социального самочувствия населения [Чумаков и др., 2022] и проблемам ксенофобии [Щеголькова, 2021а]. Эти публикации дополняют имеющиеся работы, нацеленные на изучение разных аспектов ксенофобии в масштабах страны [Мукомель, 2021; Очергоряева, 2020; Щеголькова, 2021b].

Применительно к студенчеству интерес представляют работы, посвященные повседневным практикам студентов в условиях первой волны пандемии [Чернова, Шпаковская, 2021] и помогающие предположить некий бэкграунд восприятия проблем межнациональных отношений студенчеством. Полезны были и публикации, сфокусированные на проблемах доверия и солидарности в среде трудовых мигрантов из Узбекистана и Кыргызстана [Рочева, Варшавер, Иванова, 2020], данные которых можно попытаться сопоставить с ситуацией в студенческой среде.

Представленный обзор показывает многогранность влияния пандемии на социально-экономические аспекты жизни общества, в том числе на состояние сферы межнациональных отношений. В литературе уже сложился корпус исследований, затрагивающих различные аспекты миграции в условиях пандемии, однако работ, посвященных непосредственно проблеме восприятия межнациональных отношений образовательными мигрантами, нет, в том числе и применительно к представителям тюркских народов, которые в последние годы играют все более значимую роль в этих формах мобильности.

В соответствии с описанной проблемой и результатами анализа литературы мы формулируем исследовательский вопрос следующим образом: «Как изменилось восприятие проблем межнациональных отношений иногородними и иностранными студентами московских вузов из числа представителей тюркских народов и какие обстоятельства, по оценкам респондентов, обусловили это?»

Для ответа на этот вопрос необходимо:

- сопоставить оценки вызовов пандемии разными группами респондентов из числа представителей тюркских народов;

- определить характер восприятия собственной этнической идентичности респондентами в рамках пандемии;
- сравнить восприятие межэтнических границ и проблем в сфере межнациональных отношений;
- выявить особенности восприятия респондентами физических и символических границ в рамках московского социума в условиях пандемии;
- определить, как респонденты воспринимали себя в контексте взаимодействия с москвичами;
- на основе оценок респондентов выяснить обстоятельства, влиявшие на восприятие проблем межнациональных отношений в этот период.

Методология исследования

Для исследования был выбран сравнительный подход, так как он предполагает сопоставление нескольких изучаемых групп по ряду параметров, что позволяет выявить их отличительные черты, сходства и различия [Bryman, 2012: 72—74]. При этом допускается отбирать для сравнения наиболее сопоставимые случаи, на основе анализа которых можно провести обобщение и выявить типичность [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 27].

Исследование строилось с опорой на теоретический подход социальной феноменологии А. Щюца, предполагающий, что индивид и социальная реальность находятся в постоянном взаимодействии, а последняя зависима от сознания индивида и формируется им [Кравец, 2011]. При разработке программы исследования и инструментария, в частности при выборе подходов к кодированию собранного материала, автор опирался на принципы метода «длинного стола», описанного И. Е. Штейнбергом [Штейнберг, 2021].

Единицей анализа в исследовании выступала группа студентов московских вузов — представителей одного тюркского этноса.

В качестве основного использовался метод глубинного интервью (полуструктурированное). Поиск респондентов осуществлялся через места их концентрации (университеты, общежития, этнические студенческие организации, тематические группы в социальных сетях). Для сбора респондентов применялась квотная выборка (до 15 респондентов на одну этническую группу), подбор проводился методом «снежного кома». Эмпирические данные собирались до момента их «насыщения» и начала повтора ответов. Ответы фиксировались на технические средства с последующей расшифровкой, кодированием и анализом (сравнение данных и аналитических понятий).

Наблюдение, в том числе включенное, стало дополнительным методом, который помог уточнить данные и проверить некоторые выводы. Применение этого метода стало возможным благодаря проживанию в общем коливинге с частью респондентов, нахождению в ковидном изоляторе в период сбора полевого материала, посещению мест проживания и досуга потенциальных респондентов.

Поставленный исследовательский вопрос предопределил подходы к отбору респондентов, которые должны были одновременно соответствовать всем перечисленным критериям:

1) В этническом отношении привлекались иногородние студенты из числа граждан РФ — представителей тюркских народов (татары, башкиры, казахи, азер-

байджанцы, якуты, тувинцы и т. д.); иностранные студенты из числа граждан государств постсоветского пространства (азербайджанцы, узбеки, кыргызы, казахи, туркмены) и граждане Турецкой республики (турки). Среди респондентов были представители разных религий (ислам, православие, буддизм, шамаизм), что позволило в широком контексте проверить предположение о значимости религиозного фактора в восприятии сферы межнациональных отношений в условиях пандемии.

2) В социальном отношении респондентами выступали студенты вузов Москвы, приехавшие на учебу и «пережившие» хотя бы один год в условиях пандемии.

3) Респонденты обоих полов в возрасте от 18 до 33 лет.

Аналитическая триангуляция данных, под которой подразумевается использование в исследовании нескольких методов или источников данных для обеспечения перекрестной проверки [Bryman, 2012: 717], обеспечивалась за счет использования двух методов качественного исследования — глубинного интервью и наблюдения.

Вопросы гайда интервью были выстроены вокруг следующих блоков:

- особенности восприятия пандемии;
- характеристики этнической идентичности в контексте пандемии;
- восприятие межэтнических границ и проблем межнациональных отношений;
- оценки влияния пандемии на физические и символические границы в московском социуме;
- оценки характера взаимодействия в контексте «мы» и «москвичи»;
- мнения об обстоятельствах, влиявших на восприятие проблем межнациональных отношений во время пандемии.

Транскрибированные интервью анализировались через выделение смысловых кодов и осевое кодирование, с дальнейшим обобщением в рамках этнической группы и сопоставлением с мнениями респондентов других групп для понимания и интерпретации изучаемого феномена.

Объем выборки для интервью (N = 85) был обусловлен достижением эффекта «насыщения», когда данные стали повторяться. Полевой этап проводился в октябре — ноябре 2021 г. и охватил иностранных и иногородних студентов МГУ им. М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, МГИМО МИД России, РУДН, МИСиС и др. вузов. Среди них были граждане РФ, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана и Турции, которые находились в Москве в период пандемии (2020—2021 гг.). Выделялась также контрольная группа из русских респондентов — граждан РФ и Казахстана.

Результаты

Восприятие пандемии представителями разных этнических групп

В целом характер воздействия пандемии зависел не столько от этнической принадлежности, сколько от других факторов, таких как проживание в общежитии, продолжительность обучения в Москве, индивидуальные качества студента, национально-гражданская принадлежность (гражданин РФ или нет). Вызовы были в целом схожими для всех изучаемых групп. Например, практически во всех

интервью отмечались трудности, связанные с ограничением перемещений внутри города (локдаун), кардинально повлиявшие на социальную жизнь. Упоминались сложности, связанные с выполнением карантинных требований — ношение маски, ПЦР-тестирование. Сокращение или отсутствие социального общения — один из распространенных вариантов ответа для всех групп. Непросто давался переход на онлайн-обучение, с ним были связаны организационные сложности, в том числе неготовность преподавателей, недостаток технических средств, проблемы с интернетом и т. д. У ряда студентов нарушился режим дня, снизилась мотивация к обучению. Адаптация к онлайн-обучению, недостаток социального общения, сокращение возможностей для разнообразного досуга, страх перед неизвестным — наиболее распространенные трудности, с которыми сталкивались респонденты во время пандемии. Интересно, что бытовые проблемы (необходимость готовить еду, осуществлять продовольственные или бытовые покупки) почти не упоминались.

Важно отметить, что студенты, прожившие в Москве до пандемии хотя бы один год, отмечали психологические и социальные проблемы иного плана, чем те, кто поступил на учебу в 2019 или в 2020 г. Для последних более острым стал вопрос социализации, наработки социальных контактов и социального капитала. Они упоминали, что не чувствовали себя в достаточной степени студентами столичных вузов из-за свертывания внеучебной деятельности, переживали острое разочарование («живем в центре страны и ничего не видим»).

Несмотря на сходство вызовов, с которыми столкнулись респонденты, можно выделить некоторые особенности социального самочувствия представителей разных этнических групп в условиях пандемии. Сравнение ответов показало отличия в восприятии трудностей пандемии иностранцами и гражданами РФ. У первых добавлялись сложности с въездом и выездом из страны, с оформлением визы, разрешения на временное проживание (РВП), регистрации и т. д. Иностранцы студенты, признавая высокий уровень развития медицины в стране, одновременно отмечали проблемы с доступом к медицинской помощи в связи с их статусом иностранных граждан и отсутствием расширенного полиса ДМС. Россияне же, в свою очередь, критичнее оценивали деятельность медицинской системы и санитарно-эпидемиологических служб.

Для иностранных студентов острее стоял вопрос разрыва связей с семьей из-за закрытия границ, некоторые ощущали из-за этого панику. Студенты-турки, в частности, отмечали недостаток психологической помощи и поддержки со стороны администрации вуза, который мог быть вызван и языковым барьером.

Только часть респондентов-россиян упомянула о трудностях с поиском работы или с осуществлением трудовой деятельности, возникших вследствие пандемии. Для иностранных студентов более важную роль в преодолении материальных трудностей сыграла помощь студенческих организаций, посольства, диаспоры.

Респонденты с выраженной азиатской внешностью (якуты, тувинцы) отмечали в качестве проблемы повышенное внимание к ним в метро и в других общественных местах со стороны сотрудников правоохранительных органов и обывателей. Они предполагали, что их путали с гражданами КНР.

Восприятие этнической идентичности в контексте пандемии

Респонденты стали реже общаться с членами семьи и своим прежним кругом, однако это общение не прекратилось совсем. Существенно сократился и круг их повседневного общения. Лишь отдельные респонденты констатировали его расширение, так как в него вошли новые люди, часто из числа местных жителей или представителей других национальностей, проживавших в том же общежитии в период локдауна.

Ряд респондентов отметили изменение некоторых характеристик своей идентичности — они стали ощущать себя частью другой социальной группы. Но эти изменения были, как правило, связаны с изменением значимости имеющейся, либо с обретением новой социально-профессиональной идентичности.

В ответах упоминаются ощущение одиночества, возможность для саморефлексии, наличие дополнительного времени побыть с собой в условиях локдауна, которые провоцировали глубокие размышления о себе, «заставляя» переосмыслить себя, свое место в обществе, свою идентичность, в том числе задуматься о своей этнической идентичности и ее значимости.

Можно констатировать, что «переживание» опыта пандемии зачастую не влияло на существовавшие идентичности у большинства студентов, несмотря на ослабление контактов с людьми и институтами, поддерживающими их. Это можно объяснить отсутствием нового круга общения у респондентов. Когда же круг контактов расширялся, респонденты отмечали, например, появление у себя московской пространственной идентичности через ощущение «общей судьбы и вследствие необходимости помогать жителям города». Однако также высказывалось и сомнение, что это вызвано именно пандемией: респонденты могли воспринимать происходившие изменения как следствие продолжительного проживания в Москве.

По мнению опрошенных из разных этнических групп, пандемия не повлияла на усиление значимости для них этнической идентичности. В экстремальных условиях пандемии они — за исключением, может быть, отдельных респондентов-узбеков, — не ощутили роста доверия к представителям своей национальности. В гораздо большей степени доверие вызывали у них люди их возраста, схожие по профессиональным или личным интересам. В лучшем случае одинаковая этническая принадлежность лишь более располагала их к коммуникации с собеседником. Рост значимости этнической идентичности ощутили в основном те респонденты, кто в условиях пандемии на какой-то период покидал Москву и возвращался в свой регион/страну к прежнему кругу общения. Однако этот процесс был непродолжительным по оценкам самих же респондентов.

Усиление значимости этнической идентичности ощутили студенты-турки, азербайджанцы и якуты, но это было связано, скорее, с чрезвычайными ситуациями на их родине. В частности, всех студентов-азербайджанцев взволновала ситуация войны в Карабахе, что провоцировало рост их этнического самосознания и усиление значимости этнической идентичности. Для студентов-турок остро стоял вопрос политики правительства и экономических трудностей в Турции. Для респондентов-якутов болезненным был вопрос о лесных пожарах в регионе и бездействии региональных властей. Эти факторы пришлось на время пандемии, но напрямую с ней не связаны. Данные события, как описывали респонденты, существенно

влияти на их социальное самочувствие. В частности, респонденты-якуты испытывали стыд за факт лесных пожаров в их регионе, респонденты-азербайджанцы ощущали большее сочувствие российского общества армянской стороне в карабахском конфликте, респонденты-турки чувствовали недоверие к себе в условиях обострения напряженности в отношениях между странами.

Характерно, что, несмотря на некоторые эсхатологические черты, присущие пандемии, в ответах не встречалось указание на рост религиозной идентичности — возможно, в силу слабой религиозности большинства респондентов, в силу их возраста или в связи с серьезными ограничениями в работе религиозных организаций в это время. Можно утверждать, что пандемия не провоцировала рост религиозных настроений среди респондентов даже в связи с угрозой их жизни и здоровью.

Важно отметить, что даже несмотря на позиционирование той или иной идентичности как самой или одной из самых важных, тем не менее респонденты не считают ее важной основой для доверия. Доверие может, по мнению большинства респондентов, породить только позитивный опыт личного взаимодействия с конкретным человеком или группой людей. Аналогичным образом ожидание помощи или собственная готовность помочь не соотносится с декларируемыми идентичностями. Чаще всего респонденты ожидали помощи от администрации вуза или других официальных учреждений, нежели от каких-либо общностей, сформированных по этническому, религиозному или профессиональному признакам.

Таким образом, этническая и религиозная идентичности не претерпели значительных изменений в ходе пандемии. Круг общения и механизмы социализации остались прежними при относительно низком уровне доверия к проживающим в Москве представителям своей национальности.

Восприятие межэтнических границ и проблем межнациональных отношений

С точки зрения степени выраженности этнической самоидентификации респондентов можно условно разделить на три группы. Первую группу составляют респонденты турецкой, казахской, узбекской и азербайджанской национальности, обладающие ярко выраженной этнической идентичностью, которую они демонстрировали, как правило, в первую очередь в ходе интервью (например, называя ее самой важной из идентичностей). Вторую группу составляют татары и якуты: для них этническая идентичность важна, однако они не всегда помещают ее на первое место. Третью группу составляют кыргызы, которые старались во время интервью не акцентировать внимание на своей этнической принадлежности, хотя в ходе беседы подчеркивали важность для себя кыргызской культуры.

Для многих иностранных студентов значимое место занимает пространственная идентичность, как бы «дополняющая» этническую идентичность. Для турок, казахов, азербайджанцев (из числа граждан Азербайджана), чуть меньше — для узбеков, очень важна связь с родиной. Аналогичным образом сильна пространственная идентичность у респондентов-якутов — они ощущают сильную связь с регионом происхождения. Что касается татар и кыргызов, то они чаще такой связи не ощущают, либо не демонстрируют ее значимость для себя публично (возможно, здесь присутствует некий элемент стеснения). Характерно, что подобное отношение

к родному региону (отсутствие публичной демонстрации связи с ним) чаще всего демонстрировали и русские респонденты, за исключением русских респондентов из числа граждан Казахстана, которые также отмечали важность ощущения себя «казахстанцами».

Многие группы респондентов, кроме узбеков, казахов и якутов, не проявляют интереса к специально направленному общению с представителями своего этноса, а для узбеков и казахов это общение включало в себя коммуникацию с соотечественниками и других национальностей, то есть оно носило скорее национально-территориальный характер, а не этнический. Это подчеркивает, например, факт общения на таких встречах чаще всего на русском языке, а не на родном. Хотя и в той, и в другой группе были отдельные респонденты, отмечавшие свою ориентированность преимущественно на коммуникацию с соплеменниками по причине языкового барьера (у части узбеков относительно слабое знание русского языка) либо из-за желания сохранить свою этничность и знание родного языка (у некоторых казахов). Только якуты поддерживают коммуникацию на преимущественно этнической основе, зачастую она строится именно на якутском языке, вокруг якутской культуры и традиций. Однако и среди них были те, кто не придает особой значимости таким встречам и коммуникациям. Также следует подчеркнуть, что среди респондентов-турок встречался ответ, характеризующий их как «представителей человечества» (глобального общества), что, возможно, является отличительной чертой их идентичности.

Представляется, что этническая идентичность более значима для студентов младших курсов, проживающих в Москве относительно непродолжительный период. В ряде этнических групп респонденты старшего возраста, обучавшиеся как минимум на год дольше в Москве в допандемийный период, отмечали в своих ответах как более значимую для себя московскую пространственную идентичность.

Более выраженной религиозной исламской идентичностью обладают респонденты турецкой и отчасти азербайджанской национальностей, в то время как менее выраженной — респонденты казахской, узбекской, кыргызской и татарской национальностей. Для последних религия играет незначительную и символическую роль, скорее связанную с национальными традициями, основ ислама они часто не знают, мечети не посещают, но могут идентифицировать себя в большинстве случаев как «мусульман по происхождению». Что касается респондентов-турок и респондентов-азербайджанцев, то даже те из них, кто заявил о высокой степени религиозности, как правило, не посещают мечеть, но отправляют религиозные обряды дома. Среди опрошенных якутов были как индифферентные к религии, так и язычники, а также православные.

Мнения респондентов о влиянии пандемии на физические и символические границы

Часть респондентов уверена, что физические и символические границы укрепились, поскольку все были заперты в своих домах и возник «вакуум живого общения». Кроме того, в социуме, по их мнению, были сильны общественные стереотипы и предубеждения в отношении мигрантов. По мнению других, наоборот, эти границы не изменились, поскольку не было ничего, что могло на них

повлиять. Третьи убеждены, что пандемия ослабила символические и физические границы, поскольку все оказались «в одном информационном поле, связанном с борьбой с коронавирусом». С еще одной точки зрения, в этот период принимающее население и мигранты сблизилось. Так, респонденты особо отмечали, что «москвичи» стали больше ценить труд мигрантов, которые работали на доставке продуктов и товаров первой необходимости во время локдауна, когда многие жители не имели возможности выходить из дома. Так как большинство трудовых мигрантов — выходцы из Центральной Азии, можно утверждать, что эти оценки характеризуют изменения в восприятии и межнациональных отношений.

В части интервью упоминались расовые предрассудки, с которыми столкнулись респонденты лично. Это продемонстрировало им существующие символические границы. Кто-то считает, что такие стереотипы возникли из-за недоразумения, а другие уверены, что их осознанно формируют в отношении определенных групп. Некоторые респонденты, подвергаясь расистским нападениям на улицах города, сами являются носителями негативных стереотипов в отношении трудовых мигрантов из Центральной Азии.

В целом же респондентам было сложно (возможно, в силу возраста или ограниченности знаний) рассуждать о физических и символических границах между мигрантами и москвичами, абстрагируясь от собственного опыта. Многие не воспринимали себя мигрантами: на вопросы о восприятии границ в социуме по отношению к мигрантам они приводили в качестве примеров опыт таксистов, доставщиков, уборщиц, но им было сложно ставить себя на место мигрантов, они не отождествляли себя с ними. Само слово «мигрант» часто несет для них негативную коннотацию, они считают мигрантов «людьми, которые работают на низкоквалифицированных позициях и к которым часто относятся пренебрежительно».

Когда респонденты рассуждали об усилении барьеров между мигрантами и москвичами, то они зачастую строили мнения на догадках или информации из новостей. Некоторые респонденты указывали, что барьеры эти обоюдные и, как правило, зависят от среды и контекста. Тем не менее о границах они пытались высказываться. Кто-то отметил наличие символических границ, которые строятся на разности менталитетов, а кто-то указал на наличие физических барьеров, говоря, например, о сложностях с поиском квартиры для иностранных граждан и даже для россиян с азиатской внешностью (якуты и тувинцы).

Но среди опрошенных были респонденты, которые утверждали, что таких границ нет. Мнение об отсутствии границ они строили на основе собственного опыта: во-первых, значительную часть круга их общения составляли москвичи, а во-вторых, они не чувствовали языкового барьера и разности менталитетов (например, об этом упоминали студенты — граждане Казахстана).

Таким образом, респонденты в разной степени ощущают и символические, и физические границы в отношениях с москвичами, мнение же о возможном воздействии пандемии на это явление не носит однозначного характера.

Оценки характера взаимодействия в контексте «мы» и «москвичи»

Часть иностранных студентов, особенно среди турок, не ощутила роста числа контактов и их интенсивности с местным населением. Студенты-турки отмечали,

что не доверяют жителям Москвы (впрочем, как и людям других национальностей, и даже своим соотечественникам и представителям местного джамаата). Можно предположить, что чувства общности и идентификация себя с Москвой у иностранцев не проявляются из-за ограниченного круга контактов и из-за стереотипов, существующих в московском социуме относительно мигрантов (хотя эти стереотипы практически не проявляются, по оценкам респондентов, в студенческой и академической среде). Впрочем, не все респонденты из числа иностранных граждан нацелены на расширение этого взаимодействия и усиление контактов, так как считают свое пребывание здесь временным.

Чувство общности с москвичами не возникает также из-за бюрократических проблем, с которыми опрошенные из числа иностранцев сталкиваются в повседневной жизни. Встречалась оценка, что этому препятствовали и ограничения локдауна, резко сократившие возможности для общения и контактов с местным населением.

Как указывалось выше, некоторые иностранцы и граждане РФ сталкивались с дискриминацией, проявлявшейся в неравном отношении, унижении на основании азиатской внешности, религии или языка на улицах города или в учреждениях органов власти. Некоторые узбеки и кыргызы ощущали стигматизацию из-за стереотипов в отношении трудовых мигрантов из числа их соотечественников.

Чувство социальной незащищенности, неуверенность в статусе и положении могли негативно повлиять на контакты респондентов и их самооощение. Причем некоторые респонденты отмечали рост мигрантофобии и факты агрессивного отношения к мигрантам, считая их результатом пандемии (путали с гражданами КНР).

Неоднократно иностранные респонденты указывали, что сама пандемия с ее атмосферой страха и опасений за свое здоровье разобщала людей и препятствовала усилению общения и росту доверия. Схожие тенденции отмечались и среди части татар, якутов и тувинцев, которые также заявляли, что не ощущали роста контактов, доверия или формирования чувства общности с москвичами, несмотря на их гражданскую принадлежность к Российской Федерации.

В то же время некоторая часть студентов (из числа как иностранцев, так и граждан РФ) все-таки ощутила чувство общности с москвичами, причем зачастую это касалось студентов старших курсов, которые успели наработать социальные связи и социальный капитал в столице, а главное — сумели сохранить их в период изоляции. Другим фактором, повлиявшим на эти процессы позитивно, стал, как ни странно, переход на онлайн-обучение, поскольку он заставил часть респондентов активнее взаимодействовать в решении возникающих общих проблем с однокурсниками, в том числе с москвичами. Однако в первую очередь это коснулось, опять же, старшекурсников и тех, кто оставался в московском общежитии на период локдауна.

Таким образом, взаимодействие в контексте «мы» и «москвичи» скорее может быть охарактеризовано как ситуация «отсутствия доверия» и существования физических и символических границ, чему кроме объективных факторов, связанных с пандемией, способствовали установки респондентов и местного населения. Хотя во время пандемии у части иностранцев и появилось ощущение общей пространственной идентичности, связанной с проживанием в Москве, причиной

этому стала скорее длительность их проживания в столице, а не сама пандемия. Не ощущают свою московскую пространственную идентичность те респонденты, кто, во-первых, мало времени прожил в столице и не успел полностью адаптироваться; во-вторых, кому Москва не подходит как город для проживания по ритму жизни; в-третьих, кто, несмотря на длительное проживание в Москве, сохранил сильную прежнюю пространственную идентичность, которая мешает ассоциировать себя с Москвой.

Хотя часть опрошенных иностранных граждан в той или иной степени ощутила московскую пространственную идентичность (например, некоторые узбеки), в общем это не сказалось на их желании оставаться жить в России и приобретать российское гражданство. В большинстве случаев респонденты были готовы получить вид на жительство, но не гражданство (о гражданстве говорили только отдельные респонденты-узбеки). Причинами нежелания приобретать гражданство РФ может быть то, что ряд стран входит в ЕАЭС и российское гражданство уже не дает респондентам явного преимущества (кыргызы, казахи), часть не хочет расставаться со своим нынешним гражданством (или хотят иметь лишь двойное), некоторые ориентированы на переезд в другие страны (например, об этом заявили все респонденты — азербайджанцы и турки) или на возвращение домой.

Для ряда иностранцев само понятие «москвич» неприемлемо в том смысле, что оно ассоциируется у них с определенной этнической или религиозной принадлежностью (русский и православный). Кроме того, некоторые респонденты из числа иностранцев отмечали, что ощущают себя скорее «мигрантами» вследствие некоторых барьеров и поэтому о «московской идентичности» не задумываются. Связывают они это с различиями в менталитете и ценностях, которые транслируются местным социумом.

В то же время заметной тенденцией в ответах респондентов — граждан РФ является признание усиления значимости для себя московской пространственной идентичности. При этом они подчеркивают, что произошло это не столько вследствие влияния пандемии, сколько в результате их длительного проживания в Москве, адаптации к условиям столичной жизни, появления привязанности к месту, повышения комфорта от проживания здесь. Пандемия (локдаун) скорее этому препятствовала. Интересная особенность в том, что для респондентов-якутов их региональная идентичность сохраняет большую значимость, нежели московская пространственная идентичность, даже несмотря на продолжительный срок проживания в столице.

Респонденты-россияне связывали свое будущее в основном либо с российской столицей, либо с отъездом за рубеж. При этом они отмечают, что пандемия не оказала существенного влияния на их планы, что они в принципе еще в процессе становления. Как правило, желания вернуться в родные регионы они не изъявляли, обосновывая это тем, что привыкли к московскому ритму жизни, возможностям города. Однако некоторых из опрошенных именно пандемия оттолкнула от планов остаться жить в Москве, поскольку, несмотря на широкие возможности российской столицы, развитую городскую среду и сферу услуг, неудобства пандемии все же убедили их в том, что жизнь в родном регионе будет для них более комфортной.

Таким образом, можно сказать, что пространственная идентичность некоторых студентов поменялась в сторону усиления московской, однако оценить вклад

пандемии в этот процесс сложно. Возможно, для респондентов эти два процесса — приобретение московской идентичности и пандемия — совпали по времени. Не представляется возможным также утверждать, что у респондентов усилилась идентичность, связанная с их страной исхода: скорее всего, она остается на том же уровне. По-видимому, пандемия фактически не оказала существенного влияния на планы на будущее у большинства респондентов.

Факторы формирования восприятия проблем межнациональных отношений

Обобщенные результаты показывают влияние на восприятие сферы межнациональных отношений таких обстоятельств, как события в регионе/стране исхода (на это указывали азербайджанцы, а среди граждан РФ — якуты), что несколько повышает значимость этнической идентичности и прежней пространственной идентичности (усиливает чувство ответственности за судьбу своей этнической и территориальной общности). Важным фактором выступает знание русского языка, культуры и традиций русского народа, а также паттернов поведения, принятых в московском социуме (особенно значимым этот фактор был для турок). Хорошее знание языка способствовало более успешной адаптации и принятию московской пространственной идентичности иностранцами, а слабое знание языка становилось препятствием.

Исламская религиозная идентичность в ходе исследования не проявилась как важный, заметный фактор в контексте кризиса. При этом сама религия играет важную роль только для некоторых групп респондентов — турок, в меньшей степени — азербайджанцев и узбеков. Сознание респондентов остальных групп, как правило, преимущественно светское.

Важное воздействие мог оказывать такой фактор, как характер опыта взаимодействия с москвичами, с представителями правоохранительных органов и органов власти. Положительный опыт взаимодействия укреплял базис для принятия московской пространственной идентичности и для позитивного восприятия межнациональных отношений, в то время как негативный опыт создавал явные барьеры и отталкивал.

Многие респонденты отмечали, что их азиатская внешность вызывает некоторую сдержанность или даже отторжение со стороны отдельных представителей московского социума. В свою очередь, это может порождать у таких групп тягу к самоизоляции.

Дистанционный характер обучения оказывал двойственное воздействие, различаясь для групп респондентов из числа иностранцев и россиян, респондентов из числа студентов младших курсов и старшекурсников. Он мог как способствовать консервации структуры идентичности респондента и, соответственно, определять «угол зрения» для восприятия проблем межнациональных отношений, так и, наоборот, мог содействовать более легкому принятию московской пространственной идентичности и позитивному восприятию межэтнических контактов в принимающем обществе.

Важным фактором, связанным с дистанционным обучением и периодами изоляции, стало появление свободного времени у молодых людей, когда они вынужденно находились в одиночестве, «наедине с собой», что порождало размышле-

ния, рефлексию и переоценку ценностей. В некоторых случаях это, по мнению респондентов, приводило к кризису идентичности или даже к ее трансформации, что отражалось и на восприятии сферы межэтнического взаимодействия.

Помощь диаспоры как фактор усиления этнической идентичности называли только респонденты-узбеки, поэтому его воздействие было, по-видимому, ограниченным. Влияние других факторов, таких как наличие миграционного опыта до приезда в Москву, сельский или городской характер местности, где вырос респондент, не играли, судя по ответам, значимой роли в трансформациях их идентичности и восприятии межнациональных отношений.

Можно предположить возможную связь между продолжительностью проживания в Москве и особенностями восприятия собственной идентичности и границ между социальными группами, но это требует дополнительной проверки, в том числе количественными методами исследования.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что на изменение конфигурации идентичности пандемия оказала скорее косвенное влияние.

Обсуждение результатов

В российском обществе даже в условиях свертывания миграционных процессов во время пандемии отношение к проблематике миграции оставалось неоднозначным, что отражалось на восприятии сферы межнациональных отношений. Так, Д. В. Очергоряева отмечала, что «наряду с ростом количества зарегистрированных случаев коронавируса увеличивались случаи столкновения азиатов с ненавистью и притеснением со стороны местных жителей: отказ от обслуживания, оскорбления на улице и в социальных сетях, избегание непосредственного контакта в общественных местах. Нередко неприязнь и ненависть приводили к случаям применения насилия в отношении граждан Юго-Восточной и Средне-Восточной Азии. Ксенофобии также подвергались россияне, которые этнически относятся к монголоидной расе (калмыки, буряты, тувинцы, хакасы)» [Очергоряева, 2020: 15—16].

По данным ВЦИОМ, 60 % россиян видели в присутствии в России мигрантов из других стран равное число положительных и отрицательных сторон, а 56 % были согласны с тем, что иностранцы восполняют нехватку рабочих рук на малоквалифицированной и низкооплачиваемой работе⁵.

В. И. Мукомель подчеркивает, что хотя «миграционная обстановка в 2020 г. претерпела кардинальные изменения вследствие пандемии и прекращения коммуникаций между основными посылающими странами и Россией... проблемы мигрантофобии приобрели новый ракурс: в настоящее время основной контингент иностранных граждан — выходцы из среднеазиатских государств, ксенофобские настроения в отношении которых наиболее распространены...», но «тональность публикаций в масс-медиа, по данным „Медиалогии“, изменилась на фоне многочисленных сообщений о нехватке рабочих рук... что может свидетельствовать о смещении интереса от эмоциональной окраски в сторону осмысления проблем миграции на фоне затянувшегося экономического кризиса» [Мукомель, 2021: 66—67]. Наши респонденты также говорили о переоценке вклада мигрантов

⁵ Мониторинг мнений (ВЦИОМ): ноябрь — декабрь 2021 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 353—354.

в экономику города в условиях пандемии, которая отразилось и на восприятии проблем межнациональных отношений.

Некоторые исследования показывают, что рост ксенофобии в других регионах затрагивал в основном тех, кто неудовлетворен своей жизнью и материальным положением — они чаще оценивали межнациональную обстановку как напряженную [Щеголькова, 2021a; 2021b]. Применительно к ситуации в московском социуме значение этого фактора, очевидно, выражено слабее вследствие более благоприятной экономической ситуации, что могло способствовать смягчению проявлений ксенофобии и некоторому росту взаимного доверия, о чем говорили и некоторые респонденты.

Как показывает исследование А. Л. Рочевой и Е. А. Варшавера, в допандемийный период жить в России через пять лет планировали около половины иностранных студентов, а важнейшим фактором, «выталкивающим» молодежь, называли ощущение правовой незащищенности [Рочева, Варшавер, 2020]. Пандемия наверняка усилила значение этого фактора, поскольку часть иностранных студентов указывала на чувство беспомощности и незащищенности в условиях пандемии.

Г. А. Монусова продемонстрировала, что толерантность к мигрантам тесно связана с уровнем образования индивида и с его системой взглядов на окружающий социальный мир, которая может строиться на иррациональных предубеждениях и страхах или на рациональном мышлении (если индивид воспринимает мир насто-роженно, склонен к предубеждениям и страхам, никому не доверяет и считает, что его окружает несправедливость, то высока вероятность неприятия и отторжения мигрантов) [Монусова, 2021]. Это соотносится и с ответами респондентов о том, что в более образованной и построенной на рациональном мышлении академической и студенческой среде они не сталкивались с проявлениями мигрантофобии и ксенофобии.

Есть данные, показывающие значимые различия в уровне солидарности и в доверии к окружающим среди кыргызов и узбеков, причем более высокий уровень доверия и солидарности первых объясняется вхождением данного государства в ЕАЭС и их «привилегированным» положением на российском рынке труда [Рочева, Варшавер, Иванова, 2020]. Мы также выявили отличия в жизненных стратегиях иностранных студентов из стран ЕАЭС (Казахстан, Кыргызстан) и других государств.

Таким образом, полученные результаты в определенной степени соотносятся и дополняют данные, представленные в литературе.

Выводы

Отвечая на поставленный исследовательский вопрос о восприятии проблем межнациональных отношений в условиях пандемии иногородними и иностранными студентами московских вузов из числа представителей тюркских народов России и ближнего зарубежья, можно отметить следующее.

Студенты московских вузов в силу ряда причин в большинстве случаев не придают значения этнической идентичности, они часто ориентированы на интернационализированную глобальную культуру, считают, что перед ними, даже несмотря на пандемию, открыт весь мир, а этнические традиции — это «якорь», образно

говоря, удерживающий их на месте. Особенно это утверждение касается респондентов-татар. Более выраженной этнической идентичностью обладают студенты из числа турок, казахов и азербайджанцев.

Некоторое усиление этнической идентичности респондентов, которое могло иметь место в период их поездки домой на время локдауна, носило кратковременный характер и быстро компенсировалось при возвращении в столицу.

Для опрошенных нами студентов характерна слабо выраженная религиозность. Исключение составляют только студенты-турки. Возможно, более религиозные студенты выбирают иные жизненные траектории: обучаются в иных учебных заведениях либо менее ориентированы на переезд в Москву, но это предположение нуждается в дополнительной проверке.

Характеристики идентичности скорее связывают респондентов с их возрастной группой (молодежь), социальным статусом (студенчество), принадлежностью к сообществу определенного вуза или профессиональному сообществу, нежели с собственной этнической группой.

На восприятие проблем межнациональных отношений во время пандемии сильное влияние оказала длительность периода, который респондент провел в Москве в допандемийное время. Второкурсники, фактически не успевшие пройти социализацию в столице, имели, как правило, слабо выраженную связь и с Москвой, и со студенчеством, были гораздо хуже адаптированы к условиям пандемии. У старшекурсников трансформация идентичности произошла в сторону некоторого усиления московской пространственной идентичности и социально-профессиональной идентичности, которые могли укрепляться даже в период их кратковременного отъезда на карантин домой вследствие необходимости взаимодействовать с москвичами-однокурсниками во время учебы и для профессионального развития.

Группы респондентов с выраженной азиатской внешностью явственнее ощущали границы и барьеры внутри московского социума, а если они были еще и иностранцами, то на это мог оказывать негативное влияние и фактор слабого знания русского языка, культуры и традиций принимающего общества, что ограничивало их взаимодействие с местным социумом и усиливало их пространственную и этническую идентичность.

В целом пандемия не повлияла на жизненные планы большинства респондентов, но очевидно, что среди них есть группа, которую пандемия напугала и она теперь связывает свое будущее с возвращением на родину либо размышляет на этот счет. Еще одна группа респондентов столкнулась с барьерами пандемии в виде закрытия границ, нарушившего некоторые их планы на передвижение. При этом Москву они рассматривают скорее как некое промежуточное, «временное пространство» для себя — до момента переезда в намеченные страны.

Иногородние и иностранные студенты по-разному оценивают влияние пандемии на взаимоотношения принимающего населения и мигрантов в Москве, отмечая как процессы сближения, роста доверия и снижения барьеров и границ, так и тенденции отчуждения и обособления, причем нередко обоюдного характера.

Соответственно, пандемия, по оценкам респондентов, слабо повлияла на трансформацию их этнической идентичности (за исключением, может быть,

отдельных респондентов) и на восприятие проблем межнациональных отношений. Переоценка состояния межнациональных отношений некоторыми группами обусловлена иными событиями, совпавшими по времени с пандемией (например, война в Нагорном Карабахе, лесные пожары и т. д.). Лишь часть респондентов ощутила явное влияние пандемии, хотя и в ограниченном масштабе, однако это субъективное восприятие, отраженное в ответах, а значит, оно нуждается в дополнительной проверке.

Таким образом, пандемия и связанные с ней экономические трудности, а также разные вызовы в регионах исхода, оказали некоторое деформирующее воздействие на восприятие проблем межнациональных отношений студентами московских вузов из числа представителей тюркских народов России и зарубежья. Однако это чаще всего не приводило к повышению значения для индивида взаимодействия внутри собственной этнической группы, хотя и повлияло опосредованно (локдаун, дистант) на сокращение контактов и уровень взаимодействия с представителями иных этнических групп, а также с представителями московского социума.

Новизна исследования заключается в том, что была предпринята попытка выявить общие основы в восприятии проблем межнациональных отношений студентами из числа представителей тюркских народов, но являющихся гражданами разных государств, в контексте их жизни в мегаполисе в условиях пандемии. В то же время полученные результаты пока не позволяют говорить о наличии таких общих основ, исходя только из сходства этнической идентичности или религиозной близости представителей тюркских народов. В изучаемый период, согласно оценкам респондентов, произошли определенные изменения в восприятии проблем межнациональных отношений в столице. При этом можно утверждать, что эти изменения спровоцировал целый ряд объективных и субъективных факторов, среди которых трудности, связанные с пандемией, по-видимому, не играли определяющей роли. Степень значимости того или иного фактора в этих процессах возможно определить только с помощью количественных методов исследования, что может стать направлением для дальнейшего развития темы.

Список литературы (References)

Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 70—74.

Ardashev R. G. (2020) Coronavirus as a Strategy of Irrational Thinking: Natural Conditions and Social Framework. *The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Human*. No. 11. P. 70—74. (In. Russ.)

Барышева Г. А., Антипанова О. А., Бинь Д. Т. Влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие и положение наиболее уязвимого населения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4. С. 105—117. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1056](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1056).

Barysheva G. A., Antipanova O. A., Binh D. T. (2020) Impact of the COVID-19 Pandemic on Socio-Economic Development and the Situation of the Most Vulnerable Population.

Journal of Wellbeing Technologies. No. 4. P. 105—117. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1056](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1056). (In Russ.)

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>.

Van'ke A.V., Poluhina E. V., Strel'nikova A.V. (2020) How to Collect Data in a Qualitative Field Study. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>. (In Russ.)

Гусейн-заде Р.Г., Деревянченко А. А. Иностранцы в российских вузах // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 139—156.

Guseyn-zade R.G., Derevyanchenko A. A. (2021) Foreign Students in Russian Universities. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. P. 139—156. (In Russ.)

Денисенко М., Мукомель В. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 84—107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>.

Denisenko M., Mukomel V. (2020) Labour Migration in Russia during the Coronavirus Pandemic. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 3. P. 84—107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>. (In Russ.)

Кравец А. С. Социальная феноменология в поисках смысла // Вестник Воронежского университета: Серия: Философия. 2011. № 1. С. 52—73.

Kravets A. S. (2011) The Social-Phenomenological in the Search of the Meaning. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. No. 1. P. 52—73. (In Russ.)

Малахов В. С., Мотин А. С. Влияние пандемии COVID-19 на миграционные процессы и миграционную политику в Европейском Союзе и в России // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 17. С. 31—42.

Malakhov V. S., Motin A. S. (2020) The impact of the COVID-19 pandemic on migration processes and migration policy in the European Union and Russia. *Monitoring of Russia's Economic Outlook*. No. 17. P. 31—42. (In Russ.)

Монусова Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>.

Monusova G. A. (2021) Russians' Attitudes Towards Migrants: Opinions and Doubts // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 436—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>. (In Russ.)

Мукомель В. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. 2021. № 1—2. С. 53—68.

Mukomel' V. (2021). Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians. *Bulletin of Russian nation*. No. 1—2. P. 53—68. (In Russ.)

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. Степанова В. В., Тишкова В. А. М.: Росинформгрупп, 2009.

Stepanov V. V., Tishkov V. A. (Eds.) (2009) *New Ethnic Groups in Russia. Ways of Civil Integration*. Moscow: Rosinformagrotekh. (In Russ.)

Очергоряева Д. В. Ксенофобия как конфликтогенный фактор социальной напряженности в условиях пандемии коронавируса // *Обзор НЦПТИ*. 2020. Т. 22. № 3. С. 13—18.

Ochergoryaeva D. V. (2020) *Xenophobia as a Conflict Factor of Social Tension in the Context of the Coronavirus Pandemic. Overview of NCPTI*. Vol. 22. No. 3. P. 13—18. (In Russ.)

Поletaев Д. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? // РСМД. 07.05.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/#detail> (дата обращения: 28.10.2022).

Poletaev D. (2020) *Migration Consequences of the “Perfect Storm”: What Effect Will the Coronavirus Pandemic Have on Migration Issues? RIAC*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/#detail> (accessed: 28.10.2022). (In Russ.)

Рочева А. Л., Варшавер Е. А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.

Rocheva A. L., Varshaver E. A. (2020) *Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: A Russian Case. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>. (In Russ.)

Рочева А. Л., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 488—511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>.

Rocheva A. L., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2020) *Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia During the COVID-19 Pandemic. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 488—511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>. (In Russ.)

Флоринская Ю. Трудовая миграция в РФ на этапе закрытия границ // *Мониторинг экономической ситуации в России*. 2020. № 17. С. 14—19.

Florinskaya J. (2020) *Labour Migration in the Russian Federation at the Stage of Border Closure. Monitoring of Russia’s Economic Outlook*. No. 17. P. 14—19. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «Бесконечный день сурка»: социологический анализ учебных практик студентов вузов в ситуации вынужденной изоляции // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 464—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>.

Chernova Zh.V., Shpakovskaya L.L. (2021) “Endless Groundhog Day”: Sociological Analysis of Educational Practices Implemented by University Students in a Situation of Forced Isolation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 464—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>. (In Russ.)

Чумаков В. И., Шишкина Е. В., Токарева Ю. М., Хавронина В. Н. Динамика социально-экономического положения населения Волгограда и Волгоградской области в период второй волны пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 83—101. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1978>.

Chumakov V.I., Shishkina E.V., Tokareva J.M., Khavronina V.N. (2022) Dynamics of the Socio-Economic Status of the Volgograd and Volgograd Region Population During the Second Wave of the Coronavirus Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 83—101. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1978>. (In Russ.)

Штейнберг И. Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021.

Steinberg I.E. (2021) The “Long Table” Method in Qualitative Field Sociological Research. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Щеголькова Е. Ю. Характер межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Саха (Якутия) в период пандемии // Социологическая наука и социальная практика. 2021а. Т. 9. № 4. С. 127—145. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8611>.

Shchegolkova E. Yu. (2021a) The Nature of Interethnic Relations in the Republic of Sakha (Yakutia) during the Pandemic. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 9. No. 4. P. 127—145. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8611>. (In Russ.)

Щеголькова Е. Ю. Межнациональные отношения в период пандемии // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID-19. 2021b. № 1. С. 9—16. <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.1.1>.

Shchegolkova E. Yu. (2021b) Interethnic Relations during the Pandemic. *Information and Analytical Bulletin (INAB). Interethnic Relations and All-Russian Identity in Difficult Conditions COVID-19*. No. 1. P. 9—16. <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.1.1>. (In Russ.)

Bryman A. (2012) *Social Research Methods*. New York, N.Y.: Oxford University Press.